

НИКОЛАЙ ТРОИЦКИЙ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Новеллы

Мадрид

1972

RODINA LIBRARY

ALEXANDER AVESSE

NOVEL, N. J. 1973

НИКОЛАЙ ТРОИЦКИЙ

Библиотеке

"Родина"

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

В. Г. Г.

Новеллы

12-8-73.

Мадрид

1972

© Copyright by the Author

1972

Николай Александрович Троицкий

311 Roat Street
Ithaca N. Y. 14850

U. S. A.

Printed in Spain

Depósito legal: M. 14.658 - 1972

T. Gráficos de «Ediciones Castilla». Maestro Alonso, 21. Madrid

ЛЮДЯМ

ПРИЗЫВ

Проснулся он как-то внезапно и сразу. В комнате было еще совсем темно, но широкое окно, выходившее на восток, чуть-чуть светлело. Он не знал, что заставило его подняться и пойти к окну. Но уже посередине комнаты он остановился, как замороженный.

Он увидел рождение дня. Нет, больше! Он понял одно из земных таинств. Это было таинство обновления, это была как бы утренняя молитва всего живущего, всего существующего.

На востоке край неба был розовый и на нем четко вырисовывались верхушки недалекого, совсем еще черного, хвойного леса. Близко к вершинам деревьев, по небу, протянулась узкая и длинная полоска облаков. Она была очень легкой, невесомой,

золотисто-оранжевой. Выше краски становились сгущеннее и наконец через синие цвета переходили к темно-фиолетовому куполу неба, усеянному мириадами блестящих звезд.

Как долго он стоял, — он не знал. Он только видел, что все постепенно светлело, звезды меркли, а небо над лесом становилось все более красным от крови восходящего солнца. Но это не была кровь смерти, это была кровь жизни. Небо востока причудливо меняло краски все в более радостные тона, как бы украшая путь восходящему Светилу.

Кто-то невидимый для него, на его глазах, покрыл все прозрачными каплями росы. Восток разгорался. Все ждало встречи. Но минуты ожидания не были тягостными. Наоборот, как бы во всем чувствовалось нарастание радостного, счастливого. Все живое от малого до великого замерло в благоговейном молчании. Ничто не шевелилось. Это было величественно.

Он медленно приблизился к окну. Он двигался тихо, боясь нарушить своим движением это величайшее таинство.

Он не отрывал глаз от того места, где оно должно было совершиться. И когда

этот момент настал, он не выдержал и крикнул:

— Люди! Проснитесь! Встает солнце! Рождается жизнь! — и ему показалось, что его услышал весь мир.

Но никто не ответил на его призыв... Люди спали.

ВЕСНОЙ

Ей было только шестнадцать лет, и это было весной.

Стояли чудесные дни. Фруктовые деревья были покрыты бело-розовыми цветами. Воздух был такой теплый, что когда пролетал легкий ветерок, ей казалось, что кто-то легко касается ее лица.

Однажды, следуя велению внутреннего чувства, она одна пришла в сад. Оглядев восхищенным взором море цветов, она глубоко, глубоко вдохнула их аромат. И слабость, странная слабость вдруг охватила ее.

Прислонившись к стволу яблони и охватив его руками, она в этот момент ощутила не страх, а какую-то тайную радость. Когда через несколько секунд она смогла оторваться от дерева и пойти по дорожке, шаги ее были неуверенны, а на губах оста-

лась смущенная, но счастливая улыбка. Она не понимала переживаемого, но ей было очень хорошо.

Ранние вешние воды уже прошли. Она очень любила сидеть на берегу реки. В зеркале воды отражалось ее лицо — смеющееся и лукавое. Было только досадно, что вода не отражала ее румянца такого густого и яркого. Но зато, когда она наклонялась и смотрела в воду, со лба ее свешивалась прядь черных вьющихся волос. Это очень шло к ней, и она по нескольку раз откидывала голову назад, чтобы эта прядь вновь и вновь падала и делала ее такой красивой.

Ей еще надо было ходить в школу. Идя по улицам, она чувствовала на себе взгляды мужчин. Это было так приятно, но никогда, даже взглядом, она не давала понять об этом. На мужчин она, обычно, смотрела со стороны, когда они этого не замечали, но всегда с большим любопытством, и делила их только на две категории — интересных и неинтересных.

Однажды вечером у них в квартире собрались ее подруги и знакомые юноши. Было очень весело. Они много танцевали и пели. Всех оживленнее и всех красивей

была, конечно, она. Подруги ей не завидовали, потому что каждая из них имела кавалера.

В нее был влюблен очень скромный и застенчивый юноша. Она это знала и открыто, а иногда и дерзко показывала к нему свое пренебрежение. Зато ее быстрый взгляд можно было уловить на другом, высоком и очень красивом юноше, ухаживавшем за ее любимой подругой. В эти моменты глаза ее теряли блеск, но, гордо выпрямившись, она снова начинала веселиться, хотя чувствовалось, что ее оживление было нарочито преувеличенным.

Перед тем, как разойтись, ее попросили спеть. С большим подъемом, подчеркивая и придавая немного комический оттенок, она спела романс Шумана «Я не сержусь»:

А когда все веселые и довольные разошлись, она как-то сразу стала грустной и, пожелав матери спокойной ночи, тихо прошла в свою комнату.

Всю ночь она проплакала в своей девичьей кровати.

Ей было только шестнадцать лет, и была весна.

ОДНАЖДЫ В ЖИЗНИ

Он был высок и худ, как жердь. Ноги и руки его в суставах болтались во все стороны. На узком и плоском туловище сидела небольшая головка удлинённой формы. Верхние зубы вылезали изо рта и прикрывали половину нижней губы. Когда он проходил, все обычно переглядывались и улыбались. Все это он знал, и с годами в нем выработалась замкнутость. Он очень неохотно разговаривал, а с женщинами, если приходилось, говорил всегда свысока и надменно. На самом же деле он не раз влюблялся, хотя об этом никогда и никому, тем более самому объекту, не говорил и в любви не объяснялся.

Но однажды случилось необычное. Познакомились они в каком-то кафе. Потом судьба свела их еще несколько раз, ну, а

потом они уже встречались, как и полагается, в условленных местах и в назначенное время.

Назвать ее неинтересной было бы несправедливо; но в то же время в ней ничего не выделялось. Одевалась она просто, без претензий и была из тех женщин, которых не замечают; может быть поэтому темные глаза ее иногда были так печальны.

Неизвестно, были ли они влюблены друг в друга или нет. Во всяком случае, и у того, и у другого в жизни было так мало встреч, что на этот раз они резонно решили, что то, что с ними происходит — это и есть любовь. Но он никак не мог объяснить. Дома, когда он думал об этом, у него все выходило хорошо, но при встречах он начинал говорить совершенно о другом и подойти к сути дела не умел. Так и прошла вся весна — время их знакомства.

Однажды, в конце мая, они сидели в парке на скамейке. Солнце заходило. Последние лучи его скользили золотом по верхушкам деревьев. Парк был полон птичьих голосов. На дереве перед ними в весеннем экстазе высвистывал рулады пернатый пе-

вещ. Это была какофония. Бесперывно двигаясь, перепрыгивая с ветки на ветку, осматриваясь по сторонам, певец без всякой последовательности, ритма и тональности высвистывал, щелкал и испускал неповторимые и невоспроизводимые звуки.

Сидевшие на скамейке молчали. Наконец она сказала:

— Птичка, видимо, очень, влюблена. Смотрите, с каким жаром она поет.

У него мгновенно блеснула мысль, что это и есть самый удобный момент для объяснения. Он весь напрягся, но язык, проклятый язык, выговорил:

— Да, но, кажется у нее совсем непоставленный голос и она поет горлом.

— Возможно, но все же при этом не смущается, — тихо ответила она и наклонила голову.

Это был последний и решительный шанс... Он хотел уже сказать, что... Но хвостатый певец вспорхнул, перелетел на ветку прямо над их головами, воспроизвел неподражаемое колесо, как-то пискнул и на полуноте, смущенно оглядываясь, оборвал песню. От него отделился маленький беловатый комочек и шлепнулся ей на правое плечо. Он,

сидевший слева, вынул из кармана носовой платок и протянул руку, чтобы убрать этот дар природы. Она, почувствовав обнявшую ее руку, потянулась к нему и, опустив голову на его грудь, прошептала:

— Хороший мой! Давно бы так!...

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Перед самым входом в здание из подъезда выбежала черная кошка и перебежала дорогу. Было совершенно ясно, что несчастье, которое она предзнаменовала, меня не касалось, так как я шел на концерт, посвященный Шопену и ничего особенного там со мной случиться не могло. Поэтому я спокойно стал подниматься наверх. У входа в зрительный зал меня остановил старичок с программами в руках и предупредил, что концерт уже начался и войти можно будет только во время перерыва. Действительно из-за двери слышались звуки рояля: игрался прелюд: c-moll.

Старичок, остановивший меня, был маленький, чистенький, в синей высокой фуражке, на околышке которой золотыми буквами было написано «контроль». Выше

надписи была изображена какая-то дева, стоявшая на венке, концы которого она держала в своих вытянутых руках. Старичок говорил очень тихо и восторженная почтительность, относящаяся ко всему тому, что находилось по ту сторону двери, слышалась в его голосе. Я невольно подчинился ей и, отойдя к стене, стал ждать.

Вторым опоздавшим был рыжеватый человек с головой, как тыква. Он вошел быстро и, сразу поняв, что концерт уже начался, подошел к двери, вынул из портфеля ноты и начал следить за музыкой. Видимо это был большой любитель ее и к нему быстро определилось дружески-ироническое название «профессор».

Затем вошла лирическая девушка; услышав томные звуки доносившегося прелюда, она подошла к двери и, мечтально подняв глаза кверху, прислонилась к дверному косяку.

В это время на лестнице послышались странные звуки, которые, постепенно усиливаясь, приближались; контролер уже сделал им навстречу несколько шагов, но на площадке появился совсем молодой человек в сером костюме, красноватом галстуке и желтых, отчаянно скрипевших ботин-

ках. Увидев всех нас, вопросительно и с укором глядевших на него, он сделал отчаянное, видимо, последнее усилие: ноги его выгнулись дугой и образовали букву О. Подходил он к нам, фактически, ступая на щиколотки. Уже будучи около нас, он, весь перекосившись, встал на подошвы; ботинки истерически взвизгнули и затихли; на его лбу появилась испарина и он замер.

Вновь стало тихо. Лирическая девушка закрыла глаза, а профессор, как и ранее, стал отбивать такт и изредка, когда ему что-то не нравилось, недовольно шевелил губами.

Но вскоре появился новый опоздавший; это был юноша в зеленой шляпе, на которой имелось громадное количество украшений — какие то птицы, фигурки, блестящие висюльки и, наконец, на серебрянной цепочке маленький слон. «Зеленая шляпа» тотчас же подошла к профессору и, воткнувшись в его ноты, начала помогать музыке за дверью различными движениями рук, головы и тела.

Потом вошла влюбленная пара: она высокая, дородная и румяная брюнетка, а он маленький, худенький человечек. Он все время снизу ласково улыбался ее черным,

бархатным глазам; она же стояла молча и густая прядь черных блестящих волос, спускаясь со лба, закрывала половину ее лица.

Наконец, последним вошел сухенький и небольшой старикашка с острыми, бегающими и злыми глазками. Он вошел и сразу все и всех заметил: и «профессора», и «лирическую девушку», и «желтые ботинки», и «зеленую шляпу», и «влюбленную пару», и контролера, и меня, скромно стоявшего в углу.

Пианист уже проигрывал шестой по счету прелюд — *f-moll*. Мы, ожидающие, и не заметили как все оказались около двери, оттеснив от нее почтительного контролера. Но время шло, а нас не пускали. Нетерпение наше росло, злые глазки старичка сверлили дверь, профессор уже несколько раз хватался за дверную ручку и мы не входили в зал, не потому что контролер взглядывал на нас молящими глазами, а просто потому, что дверь изнутри была заперта.

Вскоре выяснилось, что пианист без перерыва начал какую то балладу — собственно говоря, это уже была половина концерта. Мы все сначала зашептались, затем перешли просто на громкий разговор, под-

сознательно желая выразить свое возмущение. Но в это время в зале раздались первые аплодисменты и дверь тотчас же открылась. Забыв обо всем, мы ринулись вперед и все быстро уселись в пустующем последнем ряду.

Было немного душно и контролер зала открыл несколько окон.

Концертант вышел молодой и приятный. Все зааплодировали. Мило улыбнувшись, он сел за рояль и начал *Fantasia Impromptu*. И тут же, как нарочно, на улице кто-то начал свистеть. Вначале все ждали, что свистун скоро отсвистится, но не тут то было — высвистываемая мелодия была бесконечной. Все, отвлекаясь, начали смотреть по направлению окна, влево, или же переглядывались и пожимали плечами. Концертант, чувствуя это, нервничал. Тогда к окну подошел контролер и, высунувшись из него, начал махать фуражкой с венком и девой, давая знак свистуну. Но махальщик был на третьем этаже, свистун же находился внизу и заметить подаваемые ему знаки было очень трудно. Кто-то не выдержал и засмеялся — на него шикнули. Наконец свистун заметил знаки и замолк. Одновременно закончилась и *Fantasia*.

Публика и весь наш опоздавший ряд, сочувствуя музыканту, дружно зааплодировали. Он встал, смущенно поклонился, вновь сел и начал вальс *cis-moll*. И в то же время раздался такой шип, какой только бывает в сказке. Оказалось, это шипел паровоз, выпуская излишний пар. Вообще железной дороги рядом не было, но недалеко проходила ветка к какому-то складу; видимо маневрировавший паровоз ждал разгрузки вагонов и накопил столько пара, что выпуска его хватило на все время игры вальса. Теперь все смотрели вправо и ждали окончания шипа. Вряд ли кто из публики слышал игру пианиста; но когда он встал, окончился и шип, и мы все, а особенно наш ряд, аплодировали еще дружнее, хотя совершенно ясно чувствовалось, что настроение как у публики, так и у пианиста, было сорвано.

В водворившейся тишине совсем смущенный концертант начал легкий и ажурный этюд *as-dur*. И тут же однотонно зазвонили в соседней церкви. Последовательный и настойчивый ритм звона подчинил себе разнервничавшегося пианиста. Он отошел с заданного ему такта и начал втискивать

его в звонный ритм. Но звонарь, повидимому, куда-то торопившись, начал учащать такт; за ним погнался и пианист и, в конце-концов, гудение колокола смешалось с этюдом в смешной и нелепой свистопляске. Звонарь кончил секундой раньше. Последний аккорд сделал пианист и на фоне еще звучавшего колокола по залу пронесся дребезжащий и дрожащий звук рояля. После передавали, что именно тогда-то и оборвалась струна.

Взволнованный пианист, не глядя ни на кого, быстро прошел за сцену.

В зале стоял шум. «Профессор» что-то кричал «зеленой шляпе» и тыкал пальцем в ноты, «желтые ботинки», забыв про свою боль, стояли на полной ступне, «влюбленная пара» была уже не вместе, «лирическая девушка» плакала, контролер, сняв фуражку с девой, вытирал на лысине пот, а злой старикашка желчно смеялся.

**
*

Когда я выходил, из подъезда выскочила и перебежала мне дорогу кошка, но она была не черная, а трехцветная, пестрая.

Теперь я знал, что это для меня предзнаменование несчастья. Я плюнул через левое плечо три раза.

**
*

За три последующих года в моей жизни произошло несколько странных событий, но было ли какое-то из них связано с кошкой или нет — я до сих пор не знаю.

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Камера была очень маленькой — два на четыре метра. Раньше она предназначалась только для одного заключенного, — но это было еще в те времена, когда человека, совершившего преступление, наказывали иначе, чем в наш век. Теперь в этой камере сидели семнадцать подследственных арестантов. Сидели скученно и плотно.

Все уже хорошо знали друг друга, и дело каждого обсуждалось несколько раз.

Но, три дня тому назад, в камеру втолкнули седенького старичка; назвался он профессором. Первый день все интересовались им и спрашивали его, — кто он, откуда и за что сидит. Он отвечал уклончиво, а иногда и просто отмалчивался. Вскоре интерес к нему пропал, и его оставили в покое. Это был единственный арестант, о деле которого ничего не знали.

Дообеденное время в камере было самым спокойным: на допросы никого не вызывали, и никаких тюремных процедур не было. Обычно в это время арестанты делились друг с другом воспоминаниями о своей жизни или же просили кого-либо рассказать что-нибудь для всех.

На этот раз, как к новичку, обратились к профессору. Он не отказался и, как только все успокоились, сразу же начал:

— Это было еще во времена первобытного человека.

В одном из предгорий бродил молодой юноша. Звали его Камень. Перед этим он жил в семье отца, но рассорился с ним, и боясь его гнева, убежал от него. После недолгих поисков Камень нашел себе пещеру. Она была сухой и чистой.

Человек той поры подчинялся одному непреложному закону: все, что таится и молчит — опасно. Жил этим законом и Камень.

Ночью все таилось и молчало. Поэтому ночь была опасной, и ее надо было бояться. В темной пещере с громадным валуном, которым был закрыт вход, проводил Камень ночи, не видя их красоты и очарования.

Поселившись один, Камень часто бродил по окрестностям, добывая пищу, и всегда с особенным вниманием вслушивался в звуки, похожие на человеческий голос. Он искал встреч с людьми, хотя и знал, что это не всегда безопасно. Вскоре его желание исполнилось: в одной из долин он наткнулся на человеческую семью. После того, как он выследил, где живет семья, он каждый день наблюдал за соседями.

Семья состояла из трех человек: отца, матери и дочери. Камень сразу же решил, что мужчины бояться ему нечего — он был уже не молод. Мать совсем не интересовала его, но молодая дочь привлекала необычайно. Несколько раз, когда старики были в пещере, а дочь у входа, Камень издавал звуки, подражая крикам зверей и птиц. Девушка немедленно настораживалась, но, не найдя ничего подозрительного, успокаивалась. При малейшей же опасности она так быстро скрывалась в свое жилище, что Камень назвал ее Птицей.

Однажды Камень увидел, что старики ушли, и осталась только Птица. Он выско-чил из своего прикрития, но Птица в одно мгновение была уже в пещере и закрыла за собой вход. Камень знал, что она следит за

ним; пропев несколько песен, он пустился в буйный и долгий пляс, а затем, усталый и довольный, отправился к себе домой.

После этого, как только старики уходили, Камень всегда показывался перед Птицей. Вначале она скрывалась, но потом стала оставаться у входа, наблюдая, как он пляшет и слушая, как он поет. Постепенно он все ближе и ближе подходил к ней, а она все больше и больше смелела. И однажды Птица и Камень подошли друг к другу. Он с ревом схватил ее и потащил на руках от пещеры. Она не только не противилась, но, крепко прижавшись, держалась за него.

Так произошла свадьба Камня и Птицы.

Камень был заботливым мужем; он вычистил пещеру и целых два дня трудился, чтобы добыть — трением двух кусков дерева огонь. С тех пор огонь у них стал постоянным, и подерживала его Птица.

А когда Птице настала пора родить, Камень натаскал зеленых веток, устроил из них мягкое ложе и вынес из пещеры костер. Почему-то он почувствовал, что не должен присутствовать при родах, но все время был недалеко от жилища и прислушивался к тому, что там происходило.

В этот день, как показалось Камню, солнце зашло быстрее обычного. Снежные вершины высоких гор еще были освещены последними лучами, а в долине уже наступили сумерки. Птица мучилась, и Камень со все возрастающим суеверным страхом смотрел то на пещеру, то на сгущавшуюся темноту. Чтобы приободрить себя, он начал увеличивать костер. Огонь запылал — огромный и яркий, — и отблески его играли на окружающих скалах и деревьях. В душе Камня нарастало буйное чувство смелости, дикой радости и превосходства над отступающей темнотой.

И было ему так хорошо, что казалось, что такой же огонь как и костер разгорался у него в груди. В экстазе он схватил большую палку и начал ожесточенно ворошить костер. И тысячи, мириады золотых искр полетели кверху. Камень, следя за ними, увидел, как, поднявшись высоко, высоко, они остановились и замерцали в небе. Издав громкий клич, он в несколько прыжков был уже около Птицы. Слабую и шатающуюся, подвел он ее к выходу и показал на небо — оттуда, мерцая, слали свои лучи золотые застывшие искры. Это были звезды и одна звезда больше всех.

Так с тех пор и светят звезды людям, принося им радость и покой, а при рождении каждого человека появляется на небе и его звезда.

**
*

Все долго молчали. Наконец, худой арестант с острым носом хриповато сказал:

— Хорошая сказка, — потом помолчав спросил:

— Сам выдумал?

— Нет, — ответил профессор. — Я это услышал, когда еще был мальчиком. И тогда мне так понравилось, что я решил отдать звездам мою жизнь. Учился я долго, и выучился: стал профессором по звездам-астрономом.

— Астрономом? — удивленно переспросил молодой арестант. — Так за что же тебя арестовали?

Профессор не успел ответить. Дверь в камеру открылась. Вошедший надзиратель вызвал и увел его с собою.

Больше о нем никогда и ничего не слышали.

В ПУТИ

Ночь. Небесный свод опрокинулся над землей глубокий и бездонный. А по нему рассыпались звезды крупные и мелкие, яркие и тусклые.

Спит земля. Сон ровный и спокойный. Все спит: усталое, измученное заботами, тревогами и борьбой прошедшего дня.

Ночь. Тихо.

**
*

Проселочной дорогой идут двое. Один высокий и худой; идет крупными шагами, смотрит себе под ноги; молчит. Второй маленький и круглый; идет короткими шажками, смотрит в небо и говорит обращаясь то к другу, то к самому себе:

— Мир прекрасен и чудесен! Ты по-

смотри — какая удивительная ночь. Все отдыхает: бабочки, кузнечики, люди, звери. Все нуждается в отдыхе, чтобы завтра начать трудовую жизнь. А там, в пространстве, в вечности расположились звездные миры — далекие, неясные, неизвестные. О! как бы я хотел познать это бесконечное и незримое пространство. Ведь тогда я был бы обладателем величественных тайн, сокрытых от нас неизмеримыми расстояниями. Нет, ты только посмотри, как там все чудесно и изумительно. Мне кажется, что над всем этим Кто-то большой и невидимый распростер руки и охраняет покой всей вселенной и покой нашей маленькой земли. Я не вижу Его, я Его только чувствую. А это жалко: я хотел бы Его и видеть. Хочу и не могу! Как велико наше бессилие! А в то же время человечество проделало огромную работу. Мы, люди, познали очень многое. Но нам надлежит проникнуть туда, далее, в глубь миров! И когда мы это сделаем, тогда...

На его плечо опустилась рука спутника и он глуховатым голосом сказал:

— Осторожнее! Под ногами яма!...

НАШ ВЕК

Ритмично стучат колеса поезда. За окном мелькают то леса, то поля, то деревни. Короткие остановки на маленьких станциях и продолжительные на больших.

Купе вагона. Четверо пассажиров. Уже несколько часов, как они едут вместе; уже несколько часов ведут они разговор на высокие темы.

Сумерки. Включили электричество.

Толстый пассажир с красным лицом и рыбьими глазами громко и энергично продолжал:

— Вообще человечеству грозит большая опасность, если человек, как таковой будет попран. Самое важное в человеке — душа. От нее все исходит.

Пассажир с длинным анемичным лицом соглашался с ним вялым и бесцветным голосом:

— Абсолютно верно. Человек нашего времени стал предметным; он стал рабом вещи, потерял душу. И все, что сейчас происходит в нашем мире, все это ведет к уничтожению того маленького остатка духа, который уцелел в людях. И если это будет продолжаться, существование человеческого общества далее невозможно.

— Ну, нет! Это уже слишком пессимистично, — ответил толстяк с рыбьими глазами. — Мир будет существовать и дальше. Душа у человека возродится снова и на земном шаре навсегда водворится мир и благоденствие.

— Позвольте, а войны? — спросил третий маленький и щуплый пассажир, говоривший высоким лирическим тенорком.

— Друг мой! — торжественно провозгласил толстяк и поднял палец кверху. — Будущий мир будет единым. Там не будет войн, потому что не будет ни государств, ни наций, ни народов, а, вообще... все вместе.

— Мне все же это не совсем понятно, — возразил пассажир с лирическим голосом, — а как же будем там жить мы — люди?

Рыбьи глаза тяжело вздохнули, но на помощь им пришел анемичный пассажир.

— Видите ли, это общество будет обосновано на тех высоких началах, о которых мы говорили ранее. Это, так сказать, идеи социалистического порядка; это когда человек настолько сознателен, что он... Я даже затрудняюсь подбором слова, определяющим то положение, на котором все это будет построено.

— Взаимопомощь! — вдруг обрадованно почти что крикнул толстяк.

— Ну, хорошо, скажем, что взаимопомощь, — согласился говоривший.

— Взаимо-помощь, — тихо на высокой лирической ноте, как бы вдумываясь, проговорил маленький пассажир.

Наступила пауза.

— Жажда мучает, — сказал анемичный и тяжело вздохнул.

— Да, пить хочется, — подтвердил маленький.

Тогда толстый с рыбьими глазами, блаженно улыбаясь, полез в чемодан, вынул термос, отвинтил цветной стаканчик, вытащил пробку, поднес термос к своему широкому мясистому носу и шумно вдохнул. Лицо его стало еще краснее, губы расплы-

лись в плотоядную масляную улыбку. Почти закрыв глаза он сказал:

— Настоящее... Мокко! — Потом глоток за глотком, причмокивая и облизывая широкий рот толстым и шершавым языком, медленно и смачно выпил все кофе.

Колеса отсчитывали стыки рельс.

**
*

Четвертый пассажир с тонким и одухотворенным лицом молчал.

ЧЕРЕЗ ВОЙНУ

Она встала у дверей, правую руку приложила к подбородку и хозяйственным взглядом окинула комнату — так всегда делала ее мать. И сейчас же было замечено: — стул стоит не так, как полагается; скатерть висит криво и красный цветок, вытканый на ней, оказался не посредине стола, а сбоку; на коврике виднелись соринки; а подушка на диване, по которой аппликацией были вышиты телеграфные столбы с проволокой и летающие белогрудые ласточки, лежала помятая.

Все это требовалось немедленно привести в порядок. Она побежала в кухню и надела передник матери. Он оказался ей великоват, тогда углы его она заткнула за пояс.

В кармане передника зазвенели соединенные на маленьком колечке ключи от комода. Вынув и налюбовавшись ими, она опустила их снова в карман и, почувствовав себя совсем взрослой оттого, что является обладательницей таких ценностей, как ключи, которыми мать никогда не разрешала ей пользоваться, принялась за уборку.

В работе, сама того не замечая, маленькая хозяйка копировала все движения матери: поставит ли что или поправит, она, после этого, отходила в сторону, чтобы осмотреть сделанное; так же, как мать, она засучила рукава своей кофтенки и так же тихонечко напевала, не вникая в смысл слов, старинный романс.

Столовая была убрана быстро, но, придя в спальню, она отвлеклась и порядочное время потратила на рассматривание туалетного столика, где стояли, хотя и известные ей, но все-же очень интересные различные безделушки и коробочки. В кухне же ее работа почти остановилась, потому что она то и дело смотрела в окна, которые выходили — одно в переулок, а другое в садик. Повидимому, ей уже надоела и игра во взрослую и сама работа.

В то же время в ней росло и удовлетворение сделанным и она несколько раз представляла довольное лицо своей матери, которая вернется и увидит, что в квартире все прибрано и чисто.

Для того, чтобы вытереть верхние кухонные полки ей пришлось влезть на стол. Проводя по ним сырой тряпкой, она несколько раз задела передником о выступы шкафа и вдруг вспомнила о ключиках, которые при этом почему-то не звенели.

Опустив руку в карман и не найдя их, она поспешно спрыгнула со стола, проверила еще раз в переднике, обшарила кармашки и, не найдя искомого, быстро прошла и осмотрела комнаты. Но ни в столовой, ни в спальне, ни в кухне ключей не оказалось.

В маленьком детском сознании зародился страх. Торопливо бегая по всей квартире, заглядывая во все известные ей укромные уголки, перевертывая подушки и коврики, она разыскивала потерянные ключи. Несколько раз ей казалось, что мать уже подходит к дому; тогда она подбегала к окну, выглядывала из него, но, никого не увидев, снова принималась за свои

беспорядочные поиски. Страх ее рос. И когда он достиг предела, с которым ее детская воля не могла справиться, она растерянно остановилась посредине комнаты. Вдруг ее случайный взгляд упал на передний угол, где висела небольшая, в серебряной ризе, потемневшая икона Христа. Став на колени и обливаясь слезами, она начала горячо молиться.

— Боженька! Помоги мне найти ключи... такие маленькие и на колечке. Мама придет и меня спросит, а я их потеряла, а Ты все знаешь и все можешь. Боженька! Ключи маленькие и светлые, они в кармане у меня были...

Внизу хлопнула калитка. С ужасом оглянувшись, она вдруг увидела лежащие на полу под стулом ключи.

И на всю жизнь светлым и ярким пятном осталась эта молитва и никогда она не забывала это первое детски-чистое и искреннее обращение к Богу.

**
*

Прошли годы. Прошла жестокая злая война. По улице большого полуразрушен-

ного военными действиями, но все же шумного города шла женщина в черном. Она шла и не замечала окружающего; кто-то из встречных толкнул ее — она остановилась, повидимому, не поняв причины, что задержало ее. Постояла немного и пошла дальше углубленная и сосредоточенная.

Навстречу ей из-за угла вышла цепочка маленьких ребятишек. Одетые в цветные костюмчики, они, взявшись за руки, шли попарно и вели свои замысловатые, полные буйной фантазии или же наоборот — целиком реалистические разговоры. Рядом с ними шла молодая жизнерадостная и розовощекая их руководительница.

Женщина взглянула на них и глаза ее вдруг как-то потеплели, фигура выпрямилась, а походка стала ровней и уверенней. Она проводила их долгим взглядом, потом ускорила шаг и, свернув в узенький переулок, подошла к дому. Поднявшись на верхний этаж, она вошла в комнату и, не снимая шляпы, опустилась на колени перед маленькой темной, в серебряной ризе иконой Христа...

Но вскоре ее молитва оборвалась. Опустив голову, она некоторое время остава-

лась на коленях, потом медленно поднялась и сказала — выронила:

— В жизни ничто не повторяется.

До вечера женщина в черном сидела в кресле, а когда наступила темнота, она поднялась и ушла в Ночь.

МАСКИ

Вечер. На улице никого нет. Да, собственно говоря, и улицы нет — она уничтожена войной. По обеим сторонам горы щебня и полуразрушенные здания. Но мостовая очищена: камни свежие, умытые вчерашним дождем. Вечер такой тихий, теплый, а на улице никого нет.

Но вот появляется человек. Он идет медленно, видимо, гуляет. Недалеко сохранившиеся части города; даже отсюда слышен шум жизни. Но нет туда не желает — идет — здесь. Теперь уже хорошо видно, что это мужчина. Руки держит за спиной; о чем-то думает.

Вдруг прохожий остановился; он хочет остаться незамеченным — прислонился к поломанной ограде и затих; смотрит на противоположную сторону.

А там тихо играет девочка. Ей лет восемь, в коротеньком платьишке и в туфлях на босую ногу; ножки тоненькие и лицо худенькое без загара. В подоле платья, поддерживаемого рукой, лежат листочки акации. Девочка ходит вокруг столба чугунный верх которого снесен, но массивный низ, заделанный в бетон, остался. На цоколе столба вылиты, также из чугуна, четыре человеческих маски. Волосы у масок распущены, глаза без зрачков и рты широко раскрыты, как будто хотят испугать кого-то. Но девочка их не боится, она подойдет, что-то тихо скажет, ласково погладит по чугунным волосам и в широкий рот из подола положит немного листочков. Так и ходит, оделяя всех четырех по очереди. Зеленые листочки торчат изо ртов масок и они кажутся уже не злыми, а добрыми. Потом девочка опять обойдет столб, соберет листочки, положит их себе в подол, подождет немного и снова ласково кормит страшных чугунных людей. На улице тихо — никто ей не мешает. А чужого дядю, недвижно стоящего на другой стороне, она, в своем увлечении, не замечает.

Человек отошел от ограды. Он вышел на

жилые улицы и зашел в кафе. Там было шумно. Заняв свободный одиночный столик, он попросил кофе, но пить его не стал, а выбрав группу пожилых людей, подошел к ним и волнуясь сказал:

— Простите, что нарушаю ваш разговор, но я не могу не поделиться тем, что я сейчас видел...

И он рассказал о девочке.

— Страшно подумать, — продолжал он, — что ждет человечество! Может быть, завтра еще полмира сгорит в адском пламени атомной энергии. Но ведь можно же сделать и так, чтобы люди бросив вражду, поняли и ради всеобщего счастья сговорились о взаимном содружестве. Извините меня... мне так трудно передать то о чем я думаю...

Говоривший заметил, как один из слушавших, скрывая на толстых и пухлых губах улыбку, прищуром одного глаза передавал другому, совершенно ясную мысль.

Сгорбившись он отошел от стола, а затем вышел и из кафе.

На другой день вечером за тем же столом сидела вся вчерашняя компания; не было только человека с толстыми и пухлыми губами. Но вскоре пришел и он. Не здороваясь, сияя от удовольствия, он сказал:

— Друзья! Я только что видел вчерашнего чудака! Вы знаете, он играл с девочкой около столба с масками!

Все рассмеялись. Но тут-же вернулись к прерванному обыденному разговору.

ВЕЧНОЕ

Только что закончилась война — люди сидят по домам — так, на всякий случай.

Девочка идет, одна, по улице. Ей лет пятнадцать, а может и шестнадцать. Она еще утром вышла из дома; в ее голове одна за другой сменялись десятки идей: как достать цветы? Но короткий осенний день кончался, а цветов она так и не нашла.

Дождь идет — осень. Все на ней мокрое. Но она об этом не думает. Длинная улица кончилась и она вышла на небольшую предкладбищенскую площадь. С другой стороны появилась женщина. Когда они поровнялись, девочка увидела в ее руках цветы. Она быстро подбежала к ней:

— А я целый день ищу цветы и не могу найти!

Женщина, сутулясь, посмотрела на нее и устало сказала:

— Какие же цветы могут быть после войны в побежденной стране да еще и осенью. Эти последние настурции я собрала в своем маленьком садике.

Но девочка не слышала ее слов. Она думала о своем:

— Я целый день ищу цветы, — настойчиво повторила она. — Другого я ничего не придумала, чтобы подарить ему в день рождения.

Глаза женщины потеплели:

— А кто же он?

— Он солдат. Он не знает нашего языка, но если я подарю ему цветы — он поймет... все...

Женщина, круто повернувшись, пошла прочь. Но отойдя несколько шагов она остановилась и прерывисто бросила:

— ТВОЙ любимый — мой враг! Ты любишь того, кто убил МОЕГО любимого... — и она, задохнувшись, замолчала.

Молодая не отвечала. То ли слезы, то ли капли дождя текли по ее щекам.

Так и стояли две: одна умудренная жизнью, с потерянной любовью; другая начинающая жить с первой светлой любовью.

Стояли долго. Наконец старшая, наклонив голову, глухо сказала:

— Я иду на кладбище. Ты за мной не ходи. Я должна быть на... ЕГО могиле одна. Когда я выйду — ты пойдешь... и возьмешь... Иди по главной дорожке, второй поворот направо... на могиле... без памятника... ты найдешь их.

Женщина выпрямившись, твердо пошла и скрылась за сеткой дождя в проеме ворот.

**
*

Молодая ждала. Вскоре старшая появилась и молча, не глядя на нее, прошла мимо.

**
*

Когда девочка выбегала из ворот кладбища ее остановил сторож-старик. Он отобрал цветы и что-то долго и невнятно ворчал в прокуренные усы о воровстве.

Дождь продолжался.

НАЧАЛО ЖИЗНИ

Война закончилась.

Солнце светит ласковое и улыбочливое. Небо синее, чистое без единого облачка. Дождей нет и река тихо несет свои прозрачно-зеленоватые воды.

На берегу реки стоит город. Нет, на берегу реки стоял город. Казалось, что кто-то необычайной силы провел чем-то громадным и тяжелым по всему, что создал человек в этом городе, и все уничтожил.

На улицах тихо и пустынно. Везде навалены груды кирпича и из них, как руки, торчат концы заржавленных и изогнутых железных балок. Большинство зданий полуразрушено: иногда это только стены, выше которых, вытянув свои шеи, тревожно глядят сумрачные трубы; а иногда громадные многоэтажные сооружения как

бы разрезаны сверху донизу и в разрезах видны, начиная от чердака, кончая полу-подвалом: спальни, кухни, гостинные, уборные — все это идеальное пособие для того, чтобы учить молодых зодчих как надо строить; здесь можно увидеть обнажение всех строительных конструкций изобретенных человеком.

Целые кварталы обгорелых домов тоскливо смотрят своими черными впадинами окон.

В центре города уцелел небольшой садик; деревья с поломанными верхушками застенчиво протягивают свои обезображенные ветки к голубому небу.

На кладбище кресты и даже массивные гранитные надгробные памятники полегли в одном направлении, как будто по мановению чьей-то властной, сильной и злой руки.

Около наглухо замкнутых ворот городской тюрьмы валяется сторожевая будка; на фасаде тюрьмы только в одном месте, возле окна, имеется разрушение, но оконная решетка все же удержалась, судорожно, как пальцами, вцепившись в тело кирпича.

Из церкви, от которой осталась только

алтарная часть, на свет Божий страдальчески смотрит распятый Христос.

На главной площади, высланной ровными каменными плитами, высятся остовы зданий, построенных в классическом архитектурном стиле, но в разных ордерах — дорическом, коринфском, ионическом; все три портика этих зданий стоят без антаблементов. Там же на фронтоне бывшего театра сохранилась фреска, написанная на золотом фоне; вечером при прощальных лучах заходящего солнца она загорается и дивы с арфами, изображенные на ней, становятся живыми.

На другой площади, носящей название одного из величайших поэтов мира, когда-то стоял и его памятник; теперь мраморная статуя великого поэта, скинутая с пьедестала, лежит ничком и, уткнувшись в землю, как бы плачет.

Тихо и пустынно в бывшем городе.

Но по ночам, когда поднимается сильный ветер — сверху сыплется пыль, летят камни, рушатся целые стены и на уцелевших крышах, как черные зловещие птицы, машут своими крыльями рваные листы железа, наполняя город скрежетом, глухим звоном и шумом. И тогда из подвалов подни-

маются тысячи невыкопанных и непохороненных мертвецов; выбежав и заполнив улицы и площади, они с визгом и хохотом, приплясывая и кривляясь, кружась и гримасничая, просят Бога о новой войне. А как только ветер стихнет, уходят в свои подвалы мертвецы; наступает утро и солнышко снова светит ласковое и улыбочивое.

**
*

Однажды в город приехали люди. Приезжие с большим любопытством осматривали разрушения, покачивали головой и удивлялись полной безлюдности. Подъехав к памятнику поэта, они увидели кем-то положенный на мраморную голову скромный полевой цветок. И тут же был отдан приказ:

— Во что бы то ни стало найти этого за- таившегося, живущего вне общества человека!

Получившие приказ тотчас же заработали.

Началась нормальная человеческая жизнь.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Осень. Листья падают. Грустные и угрюмые, хмурые и недвижные стоят леса. По озерам, вдоль рек, по полям и перелескам тянутся, улетают торопливые и невеселые птицы; не хотят здесь оставаться — ищут лучшего, теплого, солнечного; и не слышно больше их веселых песен, звонкого щебета и задорных перекликов.

Заморосит дождь — мелкий, нудный, бесконечный; и нет конца ему, и стоит все мокрое, озябшее, и, кажется, что будто все плачет холодными слезами.

Или низкие седые туманы поползут по долинам, по низменностям, потом поднимутся выше и скроют холмы и возвышенности; ничего не видно: нет далей, нет простора, нет синего неба. Вдруг дрогнет седая масса и поползет, побѣжит, подго-

няемая легким ветерком. Но все более и более крепнет ветер и скоро мчится он, холодный и резкий, порывистый и буйный, и гнет, и раскачивает, и глухо шумит в вершинах сосен и елей, ляскает оголенными ветками лиственных деревьев или с сиплым пересвистом воет по кручам и оврагам.

А когда ветер уляжется, — опять все стоит недвижимое, грустное, тихое. Падают листья; желтые и красные, продолговатые и круглые, простые и резные лежат они мертвым ковром, покрывая землю.

Осень.

**
*

Шел однажды по Земле Человек. Был он простой и улыбчивый, кудрявый и голубоглазый; и пел он песни, и песни эти далеко слышно было.

Услышали его люди и вышли из своих жилищ. Мрачные и хмурые провожали они его своими взглядами. Наконец, один из них, глядя исподлобья, крикнул ему:

— Эй, ты! Что то не к добру распелся —
Осень на дворе!

Взглянул Человек на него голубыми глазами, тряхнул своими кудрями и весело ответил:

— Осень пройдет — Весна наступит.

И... пошел дальше со своими песнями простой и приветливый.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Призыв	5
Весной	8
Однажды в жизни	11
Предзнаменование	15
Звездный путь	23
В пути	29
Наш век	31
Через войну	35
Маски	41
Вечное	45
Начало жизни	48
Земля и люди	52

